

“Устойчивость и национальная безопасность”. История формирования израильской стратегической культуры

Ружанский В. Г.

Сотрудник международной лаборатории мир-системного и геоцивилизационного анализа

РАУ (Армения, Ереван)

ruzhanskij65@mail.ru

Ключевые слова: Израиль, стратегическая культура, история, национальная безопасность, израильские элиты

«Կայունություն և ազգային անվտանգություն»: Իսրայելական ռազմավարական մշակույթի ձևավորման պատմությունը

Ռուժանսկի Վ. Գ.

Հայ-Ռուսական Համալսարանի Աշխարհ-համակարգային և աշխարհաքաղաքակրթական վերլուծության լաբորատորիայի աշխատակից (Հայաստան, Երևան)

ruzhanskij65@mail.ru

Ամփոփում: Այս հոդվածում քննարկվում է իսրայելական ռազմավարական մշակույթի ծագումնաբանությունը, հիմնարար սկզբունքներն ու հիմնական բնութագրերը:

Հետազոտողների մեծամասնությունը համաձայն է, որ իսրայելական ռազմավարական մշակույթի ձևավորման հիմնական գործոնը պատերազմի մշտական վիճակն է, որում Իսրայել պետությունը գոյության առաջին իսկ օրվանից է: Սակայն, ըստ այս հոդվածի հեղինակի, այստեղ հիմնական գործոնը երկրորդ համաշխարհային պատերազմից հետո ճանաչումն է ոչ միայն իսրայելցիների, այլև հրեական սփյուռքի կողմից աշխարհի անվիճելի փաստերի կողմից: Առաջին հերթին՝ գոյատևելու համար, հրեաները իրենց պետության կարիքն ունեն, և երկրորդ՝ հրեաների մեկ այլ պետություն երբեք չի լինի:

Հենց այս գործոնն էր Իսրայելը դարձնում Հրեաների գլխավոր կենտրոնը՝ սկսած քսաներորդ դարի երկրորդ կեսից:

Մյուս կողմից, Իսրայելի հասարակության արագ առևտրայնացումը 1977-ի շուկայական բարեփոխումներից հետո նույնպես մեծ ազդեցություն ունեցավ իսրայելական ռազմավարական մշակույթի ձևավորման վրա: «Խարդախություն դառնալու» մեջ խաբված լինելու վախից՝ ամուր մտավ իսրայելացիների զանգվածային գիտակցությունը: Մյուս կողմից, ինչ-որ մեկին խաբելը՝ «Ֆրեյմեր դարձնել», իսրայելական հասարակության մեջ ընկալվել է որպես առաքինություն, ապացույց, որ խաբեբան ի վիճակի է բիզնես վարել:

Անհատականությունը միշտ բնորոշ է եղել ինչպես հասարակության, այնպես էլ Իսրայելի ռազմավարական մշակույթին, և շուկայական բարեփոխումները միայն ամրապնդեցին այս միտումը:

Այսպիսով, պատմական հիշողությունը, մի կողմից և հասարակության առևտրայնացումը, մյուս կողմից՝ դարձան երկու վեկտոր, որոնք որոշում էին իսրայելական ռազմավարական մշակույթի ձևավորումը:

Ավելին, առաջին վեկտորը ապահովում է հասարակության համախմբվածությունն ու հավասարակշռությունը, երբ բոլոր իսրայելացիները եղբայրներ են («Աքիի»), իսկ երկրորդը ամրացնում է անհատականությունը, որը կապված է Իսրայել պետության նեոլիբերալ զարգացման հետ: Այս վեկտորների բազմակողմանիությունը իրական վտանգ է ներկայացնում Իսրայելի պետության համար:

Իսրայելական էլիտաներ: Վերը նկարագրված Իսրայելի ռազմավարական մշակույթի առանձնահատկությունները սույն հոդվածում հետազոտության առարկա են:

Հասարակության արագ տարբերակման պայմաններում, մինչ պահպանելով նախորդ սպառնալիքները, մասնավորապես, չլուծված իսրայելա-պաղեստինյան հակամարտությունը, իսրայելական վերնախավերը դարձել են իսրայելական հասարակական և պետական ինստիտուտների կայունությունը ապահովելու սուր խնդիր: Այս հարցը այս փուլում լուծվում է նաև Իսրայելի ռազմավարական մշակույթի ինստիտուցիոնալիզացիայի միջոցով, երբ ճակատագրական որոշումները համատեղ ընդունվում են ֆինանսական ջահերով, քաղաքական և ռազմական ղեկավարների կողմից՝ առաջնահերթությունների և ավանդույթների համաձայն:

Վճռորոշ բաներ՝ Իսրայել, ռազմավարական մշակույթ, պատմություն, ազգային անվտանգություն, իսրայելական էլիտաներ

“Sustainability and National Security.” The History of the Israeli strategic culture

Ruzhansky V. G.

Employee of the international laboratory of the world-system and geocivilizational analysis of RAU

(Armenia, Yerevan)

ruzhanskij65@mail.ru

Abstract: This article discusses the genesis, fundamental principles and basic characteristics of the Israeli strategic culture.

Most researchers agree that the main factor in the formation of the Israeli strategic culture is the permanent state of war, in which the state of Israel is from the first day of its existence. However, according to the author of this article, the main factor here is the recognition after the Second World War not only by the Israelis, but also by the Jewish diaspora around the world of the indisputable facts: firstly, in order to survive, Jews need their own state, and secondly, another state in Jews will never be.

It was this factor that made Israel the main center of Jewry, beginning in the second half of the twentieth century.

On the other hand, the rapid commercialization of Israeli society after the market reforms of 1977, also had a strong influence on the formation of the Israeli strategic culture. The fear of being among those deceived: "to become a framer," firmly entered the mass consciousness of the Israelis. On the other hand, to deceive someone - "to make a framer", has become perceived in Israeli society as a virtue, evidence that the deceiver is able to conduct business.

Individualism has always been inherent in both society and the strategic culture of Israel, and market reforms only reinforced this trend.

Thus, historical memory, on the one hand, and the commercialization of society, on the other, became two vectors that determined the formation of the Israeli strategic culture.

Moreover, the first vector ensures the cohesion and balancing of society, when all Israelis are brothers ("Achim"), and the second strengthens the individualism associated with the neoliberal development of the state of Israel.

The multidirectionality of these vectors represents a real danger to the state of Israel.

Israeli elites.

The features of the Israeli strategic culture described above are the subject of research in this article.

In the conditions of rapid differentiation of society while maintaining the previous threats, in particular, the unresolved Israeli-Palestinian conflict, the Israeli elites have become an acute issue of ensuring the sustainability of Israeli public and state institutions.

This issue at this stage is also solved through the institutionalization of the strategic culture of Israel, when the fateful decisions are made jointly by financial tycoons, political and military leaders in accordance with its priorities and traditions.

Keywords: Israel, strategic culture, history, national security, Israeli elites

Предисловие

Общество, которое усвоило свою стратегическую культуру, может реагировать на любые политические события. Стратегическая культура определяет курс на стратегию борьбы, тем более когда речь идет о молодом государстве.

В данном случае речь пойдет об Израиле.

Тема израильской стратегической культуры имеет особый интерес по ряду причин. Отметим лишь несколько из них.

Во-первых, потому, что государству Израиль принадлежит значимая роль в ближневосточной политике.

Во-вторых, за время своего существования Израиль добился впечатляющих успехов в самых разных сферах и прежде всего - в экономике и безопасности.

По этой причине опыт Израиля изучается во многих странах мира.

Наконец в-третьих, понимание израильской политической и стратегической культур важно как для развития взаимоотношений с этой страной, включая совместные проекты в сфере эко-

номики и безопасности, так и для поиска компромиссов по спорным вопросам.

Целью данной статьи является описание и анализ основных характеристик израильской стратегической культуры.

В качестве основы для предлагаемого анализа взяты модели израильской стратегической культуры, предложенные Дмитрием Адамским и Рафалом Копечем.

В статье рассматриваются основные этапы формирования израильской стратегической культуры и в соответствии с целями данной работы, её структура состоит из следующих небольших разделов:

1. Историография
2. Краткий обзор основных этапов в формировании израильской стратегической культуры
3. Основные характеристики израильской стратегической культуры
4. Институализация израильской стратегической культуры
5. Общие выводы (Заключение)
6. Библиография

Историография

Фундаментом для изучения израильской стратегической культуры можно считать монографию известного израильского социолога Баруха Киммерлинга “Создание и упадок израилизма: государство, культура и вооруженные силы в Израиле” [3].

Автор этой книги утверждает, что единой израильской культуры не существует и что израильское государство разделено на семь основных культурных групп. Эти семь групп, утверждает Киммерлинг, борются друг с другом за контроль над распределением ресурсов и государственной власти.

Тем не менее, в начале двадцать первого века исследователи не только признают наличие израильской стратегической культуры, но и анализируют её основные характеристики.

Систематическое изучение израильской стратегической культуры началось в конце первого десятилетия 21 века.

В последующее десятилетие был опубликован ряд исследовательских работ, посвященных данной теме.

Среди этих работ следует особо отметить монографию профессора Дмитрия Адамского “Стратегическая культура и военные инновации: влияние стратегической культуры на революцию в военном деле в России, США и Израиле” [1].

В данном исследовании формирование стратегической культуры Израиля целиком связывается с израильско-арабским противостоянием и, соответственно израильской армией.

Большой интерес представляет собой работа Грегори Ф. Гилса, посвященная страхам массового сознания, как составной части израильской стратегической культуры [5, с. 30].

Однако это отдельная тема и в данном реферате акцент сделан на образцы рационального институционализированного противостояния страхам в израильской стратегической культуре.

Польский исследователь Рафал Копеч принимает концепцию Д.Адамского, но в отличие от него, рассматривает характеристики израильской стратегической культуры не только в военном, но также в историческом и даже психологическом контекстах (Например, Р.Копеч анализирует такую особенность политической и стратегической культур Израиля, как индивидуализм.) [2].

На сегодняшний день анализом израильской стратегической культуры заняты крупные исследовательские институты, как в самом Израиле, так и за его пределами.

Это прежде всего Институт национальной безопасности (INSS), Центр Шмуэля Нэемана, Институт Лаудера.

Результаты исследований этих научных учреждений постоянно публикуются.¹

В институционализации процесса изучения израильской стратегической культуры особое место принадлежит ежегодному форуму в Герцлии, материалы которого также публикуются в СМИ на иврите и английском языках.²

Таковы основные источники и литература по данной теме.

Общим для всех существующих исследовательских подходов по данной теме: признание роли армии и всего, что связано с безопасностью, в качестве ключевого фактора в формировании израильской стратегической культуры.

История формирования израильской стратегической культуры. Периодизация

Формирование израильской стратегической культуры тесно связано с историей сионистского движения.

Период с конца 70-х годов девятнадцатого века ознаменовался рядом событий в России и в Европе, которые радикально изменили мировоззрение еврейских интеллектуалов.

До этого времени, особенно после Буржуазной Революции во Франции и после реформ Александра Второго в России, среди представителей еврейской элиты, успешно интегрировавшихся в общество и культуру европейских стран, была весьма популярна идея ассимиляции.

Однако такие события в Европе и в России как создание Антисемитской лиги Вильгельма Марра в 1879-1880 годах, Дело Дрейфуса во Франции 1894-1906 годов и еврейские погромы в России вызвали глубокое разочарование у наиболее успешно адаптированных в европейское и российское общество евреев.

Это были прежде всего ассимилированные либо отошедшие от иудаизма еврейские интеллектуалы, до указанных событий считавшие себя не только частью европейской культуры, но и ее элит.

Именно эти люди приходят к выводу, во-первых, о принципиальной невозможности интеграции еврейства в европейское и российское общество, а во-вторых, о необходимости создания собственного еврейского государства.

Таким образом, подытоживая всё сказанное выше, отметим: у истоков сионизма стояли европейские и российские евреи, немало добившиеся в жизни, но стремившиеся к большему и осознававшие, что для их карьерного роста

¹ Публикации INSS: <https://www.inss.org.il/publication>

² Публикации ежегодной конференции в Герцлии: <https://www.idc.ac.il/en/research/ips/pages/publications.aspx>

препятствием является непреодолимый барьер - национальность.

Наиболее известными представителями этой категории еврейства являются Теодор Герцль и Лео Пинскер.

Теодор Герцль обосновал тезис о необходимости еврейского государства, а Лео Пинскер ввел в обиход термин “историческая Родина”.

Будучи не только идеологом, но и блестящими организатором, Теодор Герцль сыграл ключевую роль как в созыве первого сионистского конгресса, так и в формировании союза между сионистским движением и великими державами.

В свою очередь Лео Пинскер изобрел понятие “исторической Родины”, создал и возглавил общество сионифилов. Целью этого общества было заселение Палестины.

Оба деятеля видели в создании еврейского государства решение всех проблем еврейства.

Палестина представлялась первым сионистам в качестве пустынной земли, которую следует возродить к жизни.

Это оказалось не так. Поэтому главным содержанием всей последующей истории еврейского анклава Палестины и государства Израиль стало вооруженное противостояние с местным арабским населением.

В ходе этого перманентного противостояния ключевую роль в формировании еврейского государства в подмандатной Палестине стали играть военные формирования сионистов: Хагана, ЭЦЕЛ, ЛЕХИ.

Военные формирования еврейского анклава в Палестине и затем израильская армия не только сыграли ключевую роль в создании государства Израиль, но также во многом сформировали израильские политическую и стратегическую культуры.

Характеристики израильской стратегической культуры

Дмитрий Адамский выделяет следующие характеристики израильской стратегической культуры: [1, с.174-194]

1. Ментальность “осадности” (гетто)
2. Ярко выраженный антиинтеллектуализм и отсутствие интеллектуальной традиции в бюрократической и военной системах.
3. То, что не получается с помощью силы, получается посредством ещё большей силы.
4. Неформальные, выраженные в крайней форме модели отношений и недостаточное внимание к соблюдению правил иерархии в системе управления
5. Действие предшествует пониманию
6. Неприятие стратегического планирования

7. Отсутствие дальновидности
8. Отсутствие концепции безопасности и письменной военной доктрины

9. Предпочтение в пользу узких и секторальных расчетов

10. Культура импровизации: высокая степень деятельности, харизматичность и тенденция к импровизации.

11. Узкий горизонт тактико-технического обновления

12. В последние десятилетия прослеживается тенденция перехода к оборонительной стратегии и сохранению статуса кво в политике с наступательной тактикой на поле боя

13. Отказ от гибкости, хитрость и уловки в пользу технологий

Польский исследователь Рафал Копеч в сборнике Зеленогорского университета, среди факторов, определивших основные характеристики израильской стратегической культуры (например, ментальность “осажденности”), отмечает прежде всего геополитический.

“Стратегическая культура Израиля во многом определяется геополитикой. Взгляд на карту Ближнего Востока дает представление об изолированности этой страны, окруженной государствами, если не враждебными, то, по крайней мере, недружественными. В сочетании с восприятием ситуации с безопасностью в духе реализма как опасной и непредсказуемой, геополитический фактор сформировал менталитет осады” [2, с.136].

Автор согласен с Адамским в том, что касается утверждения об отсутствии гибкости и готовности к компромиссу у израильтян.

Р. Копеч объясняет эту особенность израильской стратегической культуры также геополитическим фактором:

“Люди (израильтяне) придают гораздо меньшее значение элементам мягкой силы, например, дипломатии, потому что возможности оказания политического влияния в регионе ограничены. Менталитет “осады” особым образом связан с «менталитетом гетто», в результате опыта двух тысяч лет жизни в диаспоре. Это создает своего рода стратегический фатализм, проявляющийся в подготовке к худшему сценарию и жизненному принципу «не отступать ни на дюйм» [2, с.137].

Не меньшую важность Р. Копеч придает другому фактору - территориальному :

“Такое отношение (бескомпромиссность, отсутствие гибкости и готовности к компромиссам) понятно, если учесть еще один геополитический фактор: небольшая территория страны, особенно по сравнению с территориями враждебных стран-соседей. Понятие стратегической глубины в случае с Израилем попросту отсутст-

вует.. В ситуации войны, израильская армия практически не имеет возможности отвода войск в ожидании изменения ситуации на фронте (к лучшему).

Поэтому израильтяне не могут строить свою стратегию и тактику исключительно на обороне.

Отсутствие стратегической глубины вынуждает Израиль придерживаться наступательных стратегий и тактики”[2, с.138].

Рассмотренные выше факторы сформировали типичный для Израиля дуализм в подходе к политике безопасности - мышление в оборонительных терминах доминирует на стратегическом уровне (Мы - «осажденная крепость»), а на более низких уровнях (тактическом и оперативном) оно трансформируется в действия наступательного характера для того, чтобы не дать врагу проникнуть на свою территорию.

Следует особо отметить исследования выдающегося израильского социолога Баруха Киммерлинга, который рассматривал АОИ (Армия обороны Израиля) как субкультуру в израильской стратегической культуре.

Б. Киммерлинг считал сферу безопасности “доминирующей ориентацией” для израильского общества [3, с.208-228].

При этом он отмечал, что угроза Израилю является также и угрозой для еврейской диаспоры.

Б. Киммерлинг отмечает в своих работах, что массовое сознание израильтян, а равно политическая и стратегическая культуры Израиля формировались на протяжении десятилетий в условиях жесткого противостояния с арабским и мусульманским миром, когда абсолютный перевес в людских резервах, экономических и внешнеполитических возможностях был на стороне арабов.

В этих условиях у израильтян сформировалось представление об арабо-израильском противостоянии, как о дилемме выживании или уничтожении для евреев.

Такое представление о реальности создало в обществе особое отношение к армии, служба в которой является главной обязанностью любого гражданина страны если он или она еврей.

Кроме того, реалии перманентной войны, в которой может быть либо победа, либо смерть, выработали у нескольких поколений израильтян готовность к самопожертвованию ради безопасности страны - качество, которое в израильском обществе высоко ценится и при этом воспринимается как нечто естественное.

Вместе с тем дилемма: выжить или быть уничтоженными, определила конфликтную ориентацию израильской стратегической культуры.

В условиях отсутствия мирного соглашения с ближайшими соседями и эскалации насилия на границе с Газой и Ливаном, доминирующую роль в политике и в жизни общества неизбежно принадлежит армии.

А это значит, что о гибкости, готовности к компромиссам, “мягкой силе” и в целом - о радикальных изменениях в израильской стратегической культуре в обозримом будущем говорить не приходится.

Этот тезис подтверждается ещё и тем обстоятельством, что израильско-палестинский конфликт является не только и не столько борьбой за землю, воду и ресурсы, сколько борьбой для обоих народов за самоидентификацию.

Если еврей-атеисты, обосновывая свое право на землю Израиля могут сослаться лишь на Резолюцию ООН о создании государства Израиль, на антисемитизм и на Холокост, то верующие евреи обосновывают свое право на Эрец Исраэль ссылкой на Пятикнижие и завет между Авраамом, Ицхаком, Яковом и Всевышним.

И в данном контексте также не может быть никакого компромисса уже по определению.

Отметим также, что попытки внедрить в сознание израильтян западные ценности и принципы, как, например, склонность к компромиссу, мультикультурное общество и т.п., не прижились в Израиле.

Напротив, всё большую популярность в последние два десятилетия приобретает иудаизм в его ортодоксальном и поселенческом вариантах. Такое развитие напрямую связано с попытками израильского руководства удержать часть территорий Западного Берега, где находятся большинство израильских поселений.

Интересы безопасности государства Израиль и религиозное обоснование притязаний на эти территории являются сегодня главными аргументами израильской стороны в политическом противостоянии с палестинскими арабами.

К слову, социалисты, правившие еврейским анклавом Палестины и затем государством Израиль на протяжении пятидесяти лет, также нередко обосновывали свои права на Эрец Исраэль ссылками на тексты из Торы (Пятикнижия).

В политике библейские принципы нашли свое отражение, например, в операции по уничтожению членов группы “Черный сентябрь”, захвативших и убивших израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году, что вполне соответствует ветхозаветному принципу “око за око” [8, с. 47-50].

Что касается тезисов Адамского об отсутствии и даже неприятии в израильской стратегической культуре долгосрочного и стратегичес-

кого планирования, которое подменяется импровизацией, отметим следующее.

Ситуация, как внешнеполитическая, так и расстановка сил в регионе на протяжении семи-десяти лет существования государства Израиль менялась и меняется довольно быстро, если не сказать стремительно.

При этом, как уже отмечалось выше, расстановка сил чаще всего складывалась не в пользу Израиля.

В этих условиях импровизация часто была более эффективной и давала больше шансов на успех, нежели долгосрочное планирование.

Да и невозможно планировать что-нибудь долгосрочное в условиях перманентной неопределенности.

Дух импровизации и инициативы отражен даже в способе командования, типичном для Армии Обороны Израиля. Он состоит в том, чтобы издавать общие директивы и предоставлять подчиненным широкие возможности для маневра, чтобы подчиненные по своему усмотрению могли трансформировать дух приказов в конкретные действия. Собственная инициатива, инновации, новые идеи - это желательные элементы в функционировании израильских вооруженных сил, а их отсутствие воспринимается армейским начальством крайне негативно.

Р. Копеч выделяет ещё одну крайне важную характеристику израильской стратегической культуры: индивидуализм, когда каждый должен полагаться только на себя.

Во многом эта характеристика обеспечила успешную интеграцию государства Израиль в современную рыночную экономику и не менее успешную адаптацию в стране неолиберальных принципов.

Индивидуализм и стремление полагаться только на себя изначально были одним из главных постулатов сионизма.

Противоречия историческим фактам в данном утверждении нет, поскольку дух коллективизма, привнесенный левыми сионистами (социал-сионистами), необходимость выжить и победить (коллективизм поддерживался и сохранялся тысячелетиями благодаря иудаизму) не отменяли главной цели сионизма: создать нового еврея - антитезу еврею галутному.

Новый еврей, согласно сионистской концепции, должен быть избавлен от комплексов еврея галутного - от страхов, от чувства незащищенности и приниженности, от менталитета жертвы, еврея, избегающего ответственности за свою судьбу.

Новый еврей - "сабра" (от названия кактуса - "цабар") должен был быть сильным внутри, избавленным от комплексов, не боящимся стро-

ить свою жизнь и свои поселения на тех землях, которые он считает своими.

Израильтянин поступает так, как считает нужным, не особенно или вовсе не заботясь о реакции окружающих.

Это качество хорошо гармонирует с перечисленными Адамскими характеристиками израильской стратегической культуры, которые можно определить как «организованный хаос».

В военных действиях, которые регулярно ведет Израиль, этот принцип находит свое выражение в свободном толковании целей операции, но отражается и на структуре армии.

В частности, военная бюрократия Израиля представляет собой относительно узкий круг, а любая инициатива быстро находит свой путь наверх, благодаря открытым каналам связи.

У непосвященных возникает вопрос о сохранении армейских секретов.

Но особенностью израильтян является умение зашифровывать скрытый смысл в простые слова.

Если вы ежедневно не вращаетесь в этой среде, вы никогда не поймете язык местных школьников, военных или просто молодежи.

Особенностью местного общения можно считать "дугри": простой, аутентичный и искренний язык общения, где содержание больше, чем форма и не оставляет места для интерпретации.

В этом контексте «дипломатический» стиль считается искусственным и лицемерным. Общение в стиле тахлес («прямо в точку») стало частью культурной социализации иммигрантов из разных уголков мира.

Израильский менталитет - это менталитет людей делающих, а не обсуждающих, не «философов», а практиков.

Теоретические знания приравниваются к слабости и неспособности к высокой производительности на рабочем месте. Изначально центральным персонажем нового израильского общества был уже не раввин, а фермер, хотя очень скоро фермера вытеснил боец.

Сионисты стремились воспитать нового еврея - способного не только работать на земле, но и защищать эту землю. В некотором роде эту концепцию можно назвать израильским мачизмом.

Конкретные цели, которые определили сионистские идеологи и практики с одной стороны и суровая реальность с другой, определили подход к решению военных вопросов - практическому, инструментальному, ориентированному на действия и решению проблем, часто путем импровизации.

Такая связь армии с общественно-ориентированным прагматизмом создала особую военную культуру, которую можно назвать антиинтеллектуальной.

Суть анти-интеллектуализма, на который указывает Адамский, заключается в том, что основное внимание уделяется решению конкретных проблем, а не общему подходу.

Доказательством этого является тот факт, что первая операционная доктрина под названием «Концепция операций» (CONOP) была опубликована лишь в 2006 году.

В контексте неудач ЦАХАЛа (АОИ) во Второй Ливанской Войне (которая произошла через несколько месяцев после публикации доктрины) авторы этой доктрины были обвинены в чрезмерном интеллектуализме и языке постмодернизма, из-за чего командирам тактического уровня было трудно перевести её в конкретные действия.

Больше всего в израильской армии и в обществе ценится способность офицеров быстро ориентироваться в ситуации, независимое мышление перед лицом неопределенности, уверенность в собственных суждениях и действиях, инициативность в любых условиях.

Детальное планирование осуществляется лишь на тактическом уровне и в области применения технологий, в то время как на стратегическом уровне наблюдается своего рода дилетантизм, обусловленный отсутствием акцента на стратегии.

Неофициальный и широко институционализированный способ выработки решений («в тени офисов») выкристаллизовался во время Войны за Независимость, когда обстановка в области безопасности была настолько непредсказуемой, что ключом к решению проблем была именно импровизация.

В настоящее время нежелание стратегического планирования в долгосрочной перспективе можно наблюдать в отношении конфликта с палестинцами, где доминирует тенденция «управлять».

Израиль был первой страной после Соединенных Штатов, которая использовала высокоточное оружие.

Технологическое превосходство считалось и считается израильскими элитами панацеей от проблем в сфере безопасности.

А уверенность в собственном технологическом превосходстве диктует стратегию, в соответствии с которой решением любой проблемы безопасности является военная сила.³

При этом технологический фактор с каждым годом приобретает все большее значение не только в реальности, но и в сознании израильтян.

Подводя итог всему сказанному выше, отметим ключевую роль армии не только в формировании стратегической культуры Израиля, но и самого еврейского государства.

Культура импровизации и инициативы, характерная для израильской военной сферы, а также культ практических действий стали основой «нового израильского общества», одной из основных характеристик которого является технократизм.

И если на заре сионистского движения декларированной целью сионистов являлось желание заселить Святую Землю и заниматься земледелием, то очень скоро у первых поселенцев возникла острая необходимость в защите своей земли - в первую очередь от краж и грабежей, а затем от враждебных националистических действий, включавших не только грабеж, но и убийство евреев.

На следующем этапе военное решение возникающих проблем постепенно стало ценностью, формулой и идеологией еврейской общины в Палестине.

Так формировалась воинствующая стратегическая культура Израиля.

Оборонительный подход длился недолго: он перешел от метода статической защиты к динамической защите и, наконец, к разработке наступательного подхода.

В этот период - с конца 1930-х годов до окончания Войны за Независимость, мы уже можем говорить о стратегической культуре Израиля, поскольку находим все компоненты этой культуры: символы и образы, нормы, традиции и обычаи.

Безусловно самым значимым событием в формировании израильской стратегической культуры была Война за Независимость 1948 года, потребовавшая мобилизации как всего населения страны, так и новых репатриантов.

Д-р Итамар Риквер из университета Бар-Илан определяет израильскую армию как школу, предназначенную для адаптации, прежде всего новых репатриантов, в израильскую жизнь.

Тогда же родилась национальная легенда о противостоянии немногих многим, ментальность осажденности и концепция наступательного подхода.

Милитаризм становится центральным компонентом консолидации как общества, так и израильской стратегической культуры.

³ Принцип: «Что не получается с помощью силы, получается посредством ещё большей силы».

Не каждое применение военной силы и не каждая война превращают общество в милитаристское.

Согласно Киммерлингу, Израиль развил не преторианский милитаризм (военное правление), а гражданский милитаризм, в котором соображения, определяемые как национальная безопасность, почти всегда ставятся на более высокий уровень приоритетов, чем политические, экономические и т. д.

Силовой наступательный подход нашел даже свое законодательное выражение в Декларации Независимости 1948 года.

Фактически, декларация превратила наступательный подход в нормативную стратегию.

Суть того подхода была выражена следующим образом.

За неделю до объявления о создании государства Израиль, лидеры еврейского анклава Палестины решили не включать границы государства в Декларацию независимости, поскольку они полагали, что эти границы будут определены не дипломатическими соглашениями, а силой.

Такая характеристика израильской стратегической культуры: "Отказ от гибкости, хитрость и уловки в пользу технологий" в полной мере проявила себя во время израильско-палестинских переговоров после соглашений Осло в 1993 году.

Израильяне не торопятся заключать политические сделки, особенно, если обстоятельства требуют, есть внешнее давление, но израильянам данная сделка не выгодна.

В этом случае израильские политики действуют по принципу: "пересажу, переговорю", а между тем совершенствуют военные технологии и инфраструктуры.

Принцип ни "да" ни "нет", применяемый в повседневной жизни израильскими менеджерами самых разных уровней, часто оказывается эффективным в ситуации неопределенности или в невыгодном положении. В этом случае израильяне способны тянуть время до бесконечности, попутно накапливая силы для альтернативного решения проблемы.

Отдавая должное глубокому анализу основных характеристик израильской культуры Адамским и Копечем, отметим то, о чем оба автора не упомянули и что является, на наш взгляд, главным для понимания современного еврейского мировосприятия в целом и стратегической культуры в частности.

Этим главным является осознание большинством евреев мира очевидного факта: **другой страны кроме Израиля у евреев уже не будет никогда.**

Мы можем также утверждать, что главным фактором в формировании не только израильской стратегической культуры, но также еврейского самосознания в двадцатом веке стал Холокост.

И если в начале двадцатого века сионисты были маргиналами на фоне гораздо более многочисленных и популярных в еврейской среде течений (например, автономисты или Бунд в России), то к концу столетия сионистская идеология и поддержка Израиля стали доминирующими у евреев диаспоры.

После Холокоста евреи диаспоры стали воспринимать государство Израиль как гарантию от повторения Катастрофы.

Это восприятие особенно усилилось после **Победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года.**

Победа в Шестидневной войне укрепила веру евреев в государство Израиль как в самой стране, так и за ее пределами.

Именно с этого времени преобладающими становятся инвестиции евреев диаспоры, а не их пожертвования. В то же время численность еврейского населения за семьдесят лет существования государства Израиль увеличилась в десять раз. Показательный факт.

Однако историческая память - не единственный вектор, определяющий развитие израильской стратегической культуры.

Не менее важным вектором является коммерциализация израильского общества после рыночных реформ 1977 года.

Сегодня израильяне по-прежнему обращаются друг к другу "ах шели" - мой брат и это обращение не просто слова.

Братство израильян - это боевое братство.

Однако стремительная дифференциация израильского общества в восьмидесятые годы прошлого столетия начавшаяся в результате рыночных реформ правительства Ликуда, стала вторым вектором в формировании стратегической культуры Израиля.

В условиях новых, рыночных отношений, главным страхом израильян стал статус "фраера" - обманутого неудачника, погоревшего на какой-либо сделке.

В то же время, сделать кого-либо фраером стало рассматриваться в обществе как достоинство.

В условиях стремительной дифференциации общества при сохранении прежних угроз, в частности, нерешенность израильско-палестинского конфликта, перед израильскими элитами остро стал вопрос о балансировке и обеспечении устойчивости общественных и государственных институтов Израиля.

Этот вопрос на данном этапе решается в том числе и за счет институализации стратегической культуры Израиля.

4. Институты стратегической культуры

Отметим, что процесс институализации израильской стратегической культуры начался сравнительно поздно - лишь в начале нового тысячелетия.

Первым учреждением, созданным для изучения и формирования стратегической культуры Израиля был Институт Шмуэля Неемана при Хайфском Технионе.

Институт был создан в 1978 году для изучения и формирования национальной политики в области науки и технологий, образования, инфраструктур, экономики, энергетики, словом - всех сфер развития национального государства.

Сегодня это учреждение является одним из ведущих израильских институтов где оцениваются возможности и вызовы развитию еврейского государства, а также, без сомнения, формируется стратегическая культура Израиля.

Начиная с двухтысячного года, для стратегической культуры Израиля начался процесс институализации.

Выразилось это в создании Института изучения национальной безопасности, сокращенно INSS.

О целях и задачах института на главной странице сайта этой организации сказано следующее:

“Институт исследований национальной безопасности инициирует и проводит инновационные, актуальные, высококачественные исследования, которые формируют общественный дискурс по вопросам национальной безопасности Израиля, предоставляет политический анализ и рекомендации лицам, принимающим (государственные) решения, общественным лидерам и стратегическому сообществу, как в Израиле и за рубежом.

В рамках своей миссии институт стремится поощрять новые способы мышления и расширять контуры анализа традиционных установок”.

Этот институт можно считать флагманом в развитии и формировании стратегической культуры Израиля.

INSS тесно сотрудничает с большим количеством специализированных исследовательских учреждений и организаций, выступая при этом в роли заказчика. Например, с центром Лейба Яфэ при Тель-Авивском университете - этот исследовательский центр специализируется на изучении Ближнего Востока с упором на палестинские территории, или институтом морской безопасности при Хайфском университете.

Особое значение в стратегической культуре Израиля принадлежит ежегодному форуму в Герцлии, который был организован по инициативе Института изучения национальной безопасности и Института политики и стратегии при Школе государственного управления, дипломатии и стратегии им. Лаудера.⁴ Первая такая конференция была организована в двухтысячном году.

Полное название ежегодной конференции в Герцлии звучит так: “Конференция Герцлия по вопросам сбалансированности национальной устойчивости и безопасности”.

Особая роль в организации ежегодной конференции в Герцлии принадлежит профессору Узи Араду - бывшему директору INSS .

Арад объяснил необходимость серии таких конференций тем, что, с одной стороны, Израиль сталкивается со многими проблемами, а с другой - имеет хорошие перспективы. При этом есть сомнения в способности Израиля противостоять вызовам и реализовать имеющиеся возможности.

Поэтому, существует двойная потребность:

A. Исследовать с академической, рациональной и безэмоциональной точки зрения положение Государства Израиль с разных сторон и, таким образом, оценить силу и возможности страны.

B. Предлагать и изучать новые стратегии, которые помогут адаптироваться к изменяющимся реалиям и обстоятельствам и тем самым укрепят национальную устойчивость.

Выдвинутая на форуме в Герцлии профессором Арадом **концепция “национальной устойчивости”** является относительно новой и адаптировалась в академическом дискурсе только в последние годы.

Концепция пришла из психологии, в которой этот термин подразумевает способность человека преодолевать последствия травмы и адаптироваться к стрессовым ситуациям.

В политологии эта концепция подразумевает способность общества справляться с ситуациями стресса и травм.

Понятие национальной устойчивости включает в себя, помимо психологических, экономические, социальные и культурные аспекты.

Израильским ноу-хау в сфере изучения стратегических культур стал Национальный индекс устойчивости, который представляет собой

⁴ Институт политики и стратегии при Школе государственного управления, дипломатии и стратегии им. Лаудера был создан в 2000 году для оказания помощи в формулировании политических рекомендаций по вопросам государственной важности с упором на стратегическую сферу, внешнюю политику и международные отношения,

набор показателей и параметров, определяемых израильским Институтом национальной безопасности.

Индекс включает в себя множество параметров: от экономических до геополитических. Эти параметры, а также положительные и отрицательные влияния, анализируются и подсчитываются аналогично бухгалтерскому балансу.

Индекс каждый год обсуждается участниками Герцлийской конференции - Институтом Реут, Центром BESA, Центром Шалема, Центром Яффе и Центром исследований Израиля имени Тауба, количественным и качественным образом.

Одной из основных причин престижа и влияния Герцлийской конференции является количество и статус гостей и докладчиков.

Это политики, высшие чины армии, владельцы крупных компаний, журналисты, общественные и духовные деятели из Израиля и диаспоры.

Среди обсуждаемых тем:

Роль войны в глазах общества, эффективность применения силы в глазах общества, нормы и традиции, регулирующие отношения между различными элитами израильского общества, проблемы самоидентификации еврейства - системы символов и образов еврея.

Подводя итог сказанному выше, мы можем сделать вывод о том, что израильскую стратегическую культуру на сегодняшний день изучают и формируют научные, государственные и общественные институты.

При этом первые анализируют эффективность тех или иных характеристик израильской политической культуры, вторые и третьи задают вектор её развития.

Главной целью научных и государственных усилий по развитию и формированию израильской стратегической культуры является обеспечение устойчивости и безопасности государства Израиль.

Заключение

На основании всего вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что израильская стратегическая культура во-первых, полностью сформировалась, но не остается неизменной. Её новые элементы и характеристики являются реакцией на происходящие в современном мире изменения, в частности, технократизацию жизни.

Отметим главную особенность израильской стратегической культуры: в то время как вопрос об самоидентификации и в целом – идентификации еврейства по-прежнему является главной проблемой еврейского мира, Израиль стал основой для единения евреев всего мира.

Кто-то рассматривает Израиль как свою историческую Родину, а кто-то - как убежище.

Но у большинства евреев как Израиля, так и диаспоры сегодня есть ясное осознание непреложного факта: другого еврейского государства уже не будет.

Это убеждение является ключевым для понимания израильской стратегической культуры.

Список используемой литературы

1. **Адамский Дмитрий**, “Стратегическая культура и военные инновации: влияние стратегической культуры на революцию в военном деле в России, США и Израиле”. Издательство Министерства обороны Израиля, 2012, 234 с. (Иврит)
2. **Copez, Rafal** The Determinants of the Israeli Strategic Culture *Narodowościowy – Review of Nationalities* <https://pdfs.semanticscholar.org/d173/6a1fcb98552f30144a41b020f44bb2971339.pdf> Download Date | 4/16/19 4:46 PM
3. **Kimmerling, B.** *The Invention and Decline of Israeliness: State, Culture and Military in Israel*. Los Angeles and Berkeley: University of California Press, 2001, 268 pages.
4. **Finkel, M.** *On Flexibility: Recovery from Technological and Doctrinal Surprise on the Battlefield*, Stanford 2001.
5. **Giles, G. F.** *Continuity and Change in Israel's Strategic Culture*, Defense Threat Reduction Agency, <http://fas.org/irp/agency/dod/dtra/israel.pdf>, [access: 20.05.2015].
6. **Maoz, Z.** *Defending the Holy Land. A Critical Analysis of Israeli Security and Foreign Policy*, Ann Arbor 2009.
7. **Katzenstein, P. J.** (edit.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*, New York 1996.
8. **Ben-Dor**, *War & Peace: Jewish Tradition and the Conduct of War*, “Israeli Defense Forces Journal”, 1986, Vol. 3, No. 4.

Сдана/Հանձնվել է՝ 01.02.2020

Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 08.02.2020

Принята/Ընդունվել է՝ 10.02.2020